

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Л. Троцкий.

ВОЕННАЯ ДОКТРИНА

ИЛИ

МНИМО-ВОЕННОЕ ДОКТРИНЕРСТВО.

ПЕТРОГРАД.—1922 г.

Политическое Управление
Петроградского Военного Округа.

Военная доктрина или мнимо-военное доктринерство.

В искусствах практических не следует гнать слишком вверх цветы и листья теории, но держать их поближе к почве опыта.

Клаузевиц, «Война» (Теория стратегии).

I. Наш метод ориентировки.

В Красной Армии, несомненно, наблюдается оживление военной мысли и подъем теоретических интересов. Свыше трех лет мы строились под огнем и дрались, затем демобилизовались и размещались. Этот последний процесс еще не закончен и по сей день, но армия уже приблизилась к большей организационной определенности и известной оседлости. В ней растет и ширится потребность оглянуться на пройденный путь, подвести итоги, сделать необходимейшие теоретические и практические выводы, чтобы лучше подковаться к завтрашнему дню.

А что несет завтрашний день? Новые вспышки гражданской войны, питаемой извне? Или открытое нападение на нас буржуазных государств? Каких? Как подготовиться к отпору? Все эти вопросы требуют международно-политической, внутренне-политической и военно-политической ориентировки. Обстановка меняется непрерывно; меняется, значит, и ориентировка не принципиальная, но практическая.

До сих пор мы успешно справлялись с военными задачами, которые ставило нам международное и внутреннее положение Советской России. Наша ориентировка оказалась более правильной, дальше и глубже захватывающей, чем ориентировка сильнейших империалистических держав, которые пытались по очереди или совместно свалить нас, но обожили руки. Нашим преимуществом является то, что мы обладаем незаменимым научным методом ориентировки—марксизмом. Это орудие—могущественное и в то же время очень тонкое, само оно в руки не дается,—нужно научиться им владеть. Прошлое нашей партии в долгих испытаниях научило нас применять методы марксизма в сложнейшем переплете факторов и сил переломной исторической эпохи. Орудием марксизма мы определяем и основы нашего военного строительства.

Совсем иначе на этот счет обстоит дело у наших врагов: Если из области производственной техники передовая буржуазия изгоняла косность, рутину и суеверия и стремилась строить каждое предприятие на точных основах научных методов, то в области общественной ориентировки буржуазия по своему классовому положению оказалась бессильной подняться до высоты научных методов. Наши классовые враги—эмпирики, т. е. действуют от случая к случаю, руководствуясь не анализом исторического развития, а практическим опытом, рутиной, глазомером и нюхом.

Правда, английская империалистическая каста дала нам—на основе эмпиризма—пример широчайшего стяжательского захвата, победоносной дальности и классовой выдержки. Про английских империалистов недаром сказано, что они мыслят веками и материками. Этот навык практически взвешивать и оценивать важнейшие факторы и силы правящая великобританская каста приобрела, благодаря

преимуществам своего положения на наблюдательной вышке своего острова, в условиях сравнительно медленного и планомерного накопления капиталистического могущества.

Парламентские методы личных комбинаций, подкупов, красноречия, обмана и колониальные методы кровожадности, ханжества и всех видов подлости одинаково вошли в богатый арсенал правящей клики величайшей империи. Опыт борьбы английской реакции с Великой Французской Революцией чрезвычайно изощрил методы великобританского империализма, сделал его более гибким, разнообразно вооруженным и, следовательно, более застрахованным от исторических неожиданностей.

Тем не менее, могущественная классовая сноровка миродержавной английской буржуазии оказывается — и чем дальше, тем больше — несостоятельной в эпоху нынешних вулканических потрясений буржуазного режима. Лавируя с большой ловкостью, великобританские эмпирики эпохи упадка — их законченным выразителем является Ллойд-Джордж — неизбежно расшибуют себе лоб.

Германский империализм поднялся, как антипод великобританского. Лихорадочное развитие немецкого капитализма дало возможность правящим классам Германии накопить гораздо больше материально-технических ценностей, чем навыков международной и военно-политической ориентировки. Германский империализм появился на мировой арене, как выскочка, — зарвался, сорвался и расшибился в прах. А ведь еще совсем недавно, в Брест-Литовске, представители германского империализма считали нас фантазерами, случайно и ненадолго всплывшими на поверхность.

Наша партия шаг за шагом училась искусству всесторонней ориентировки, начиная с первых подпольных кружков, через все свое развитие, с его беско-

нечными теоретическими дискуссиями, практическими попытками и неудачами, наступлениями и отступлениями, тактическими спорами и поворотами. Русские эмигрантские мансарды Лондона, Парижа и Женевы оказались в последнем счете наблюдательными пунктами огромного исторического значения. Революционное нетерпение дисциплинировалось научным анализом исторического процесса. Воля к действию сочеталась с выдержкой. Путем действий и размышлений наша партия научилась применять марксистский метод. И сейчас он служит ей верную службу...

Если про наиболее дальновидных эмпириков английского империализма можно сказать, что у них в связке значительный набор ключей, пригодных для *многих* типических исторических ситуаций, то в наших руках—универсальный ключ, дающий возможность правильно разобраться во *всех* ситуациях. И если весь наследственный запас ключей Ллойд Джорджа, Черчилля и других явно непригоден для того, чтобы открыть выход из революционной эпохи, то наш марксистский ключ для нее—то прежде всего и предназначен. Об этом нашем величайшем преимуществе перед нашими противниками мы не боимся заявить вслух, ибо ни присвоить себе, ни подделать нам марксистский ключ они не в силах.

Мы предвидели неизбежность империалистической войны, как пролога эпохи пролетарской революции. Под этим углом зрения мы затем наблюдали ход войны, ее методы, меняющиеся группировки классовых сил, и на этом наблюдении складывалась уже более непосредственно—если говорить высоким стилем—«доктрина» советского строя и Красной Армии. Научное предвидение дальнейшего хода развития давало нам несокрушимую уверенность в том, что история работает на нас. Эта оптимистическая уверенность составляла и составляет основу нашей деятельности.

Марксизм не дает готовых рецептов. Меньше всего мог бы он дать их в области военного строительства. Но и здесь он дал нам метод. Ибо если верно, что война является продолжением политики, только другими средствами,—то армия является продолжением и увенчанием всей общественно-государственной организации, только со штыком на перевес.

Мы приступали к военным вопросам, исходя не из некоей «военной доктрины», как суммы догматических положений, а из марксистского анализа потребностей самообороны рабочего класса, который взял в свои руки власть, должен вооружиться, разоружив буржуазию, бороться за свою власть, вести за собой крестьян против помещиков, не позволять кулацкой демократии вооружать крестьян против рабочего государства, создать для себя надежный командный состав и проч. и проч.

В строительстве Красной Армии мы пользовались и красногвардейскими отрядами, и старыми уставами, и крестьянскими атаманами, и бывшими царскими генералами, что, конечно, можно назвать отсутствием «единой доктрины» в области формирования армии и ее командного состава. Но такая оценка будет педантично пошловата. Конечно, мы не исходили из догматической «доктрины». Мы фактически создали армию из того исторического материала, который был под руками, объединяя всю эту работу под углом зрения борющегося за свое самосохранение, утверждение и расширение рабочего государства. Если кому-нибудь нужно метафизически скомпрометированное слово «доктрина», то можно сказать, что, создавая Красную Армию, вооруженную силу на новой классовой основе, мы тем самым строили новую военную доктрину, ибо, несмотря на разнообразие практических средств и смену приемов, в нашем военном строительстве не могло быть и не было ни безыдейного эмпиризма, ни субъ-

ективного произвола: вся работа с начала до конца объединялась единством классово-революционной цели, единством направленной на нее воли, единством марксистского метода ориентировки.

2. С доктриной или без доктрины?

Попытки предослать пролетарскую «военную доктрину» самой работе по созданию Красной Армии делались и возобновлялись не раз. В противовес «империалистскому» принципу позиционности выдвигался еще с конца 1917 г. абсолютный принцип маневренности. Революционной маневренной стратегии подчинялась организационная форма армии: корпуса, дивизии, даже бригады объявлялись слишком тяжеловесными соединениями; провозвестники пролетарской «военной доктрины» предлагали свести всю вооруженную силу республики в отдельные комбинированные отряды или полки. В сущности это была слегка причесанная идеология партизанщины. На крайнем «левом» фланге партизанщина защищалась открыто. Уставом объявлялась священная война; старым—потому, что они являются выражением ожившей военной доктрины, новым—потому, что они слишком похожи на старые. Правда, и тогда уже сторонники новой доктрины не представляли себе только проекта новых уставов, но и ни одной статьи, в которой наши уставы подвергались бы серьезной принципиальной или деловой критике. Привлечение старого офицества, тем более на командные должности, объявлялось несоместимым с проведением революционной военной доктрины и проч. и проч.

На самом деле, шумные новаторы сами были целиком в плену у старой военной доктрины: они только старались поставить минус там, где раньше был плюс. В этом и выражалась вся их самостоятель-

ность. Действительная работа по созданию вооруженной силы рабочего государства пошла, однако, по другому пути. Мы старались—особенно, на первых порах—как можно больше использовать навыки, приемы, знания и средства, оставшиеся от старого, совершенно не заботясь о том, в какой мере новая армия будет в формально-организационном и техническом смысле отличаться от старой или, наоборот, походить на нее. Мы строили армию из наличного человеческого и технического материала, стремясь всегда и всюду обеспечить в организации армии, т. е. в ее личном составе, в управлении ею, в ее сознании и в ее настроениях, господство пролетарского авангарда. Институт комиссаров вовсе не есть какой-либо догмат марксизма, или необходимая часть пролетарской «военной доктрины»,—он явился в известных условиях необходимым орудием пролетарского контроля, руководства и политического воспитания в армии и тем приобрел огромное значение в жизни вооруженных сил Советской Республики. Мы комбинировали старый командный состав с новым и только таким путем достигли необходимого результата: армия оказалась способной сражаться—на службе рабочего класса. По своим целям, по преобладающему классовому составу своего командно-комиссарского корпуса, по своему духу, по своей политической морали, Красная Армия отличается коренным образом от всех остальных армий мира и враждебно им противостоит. В области формально-организационной и технической она становилась и становится на них тем более похожей, чем больше она развивалась. Одних потуг на новое слово в этой области недостаточно.

Красная Армия есть военное выражение пролетарской диктатуры. Кому нужна более торжественная формула, тот может сказать, что Красная Армия есть военное воплощение «доктрины» пролетарской дикта

туры, во-первых—потому, что в самой Красной Армии обеспечена диктатура пролетариата, во-вторых—потому, что диктатура пролетариата без Красной Армии была бы невозможна.

Беда, однако, в том, что оживление военно-теоретических интересов вызвало на первых порах возрождение некоторых доктринарских предрассудков первого периода, получивших, правда, несколько новую формулировку, но отнюдь не ставших от этого лучше. Некоторые проникательнейшие новаторы вдруг открыли, что *мы живем и даже не живем, а прозябаем—без военной доктрины*, как андерсоновский король в сказке ходил без платья, и не знал того. «Необходимо, наконец, создать доктрину Красной Армии», говорят одни.—Мы сбиваемся во всех практических вопросах военного строительства потому, что у нас не разрешены до сих пор основные вопросы военной доктрины: что такое Красная Армия, какие перед ней исторические задачи, будет ли она вести оборонительные или наступательные революционные войны и проч. и проч.?»—подпевают другие.

Выходит так, что Красную Армию мы создали и, притом, победоносную, но вот военной доктрины ей не дали. Так она, Красная Армия, неприкаянная и живет. На прямой вопрос, какова должна быть доктрина Красной Армии, отвечают: она должна заключать в себе совокупность начал строения, воспитания и применения нашей вооруженной силы. Но это ответ чисто-формальный. И у нынешней Красной Армии есть свои принципы «строения, воспитания и применения». Вопрос идет о том, какой доктрины нам *не хватает*, то-есть—каковы по содержанию те *новые* принципы, которые должны войти в программу военного строительства? И вот здесь-то начинается самая конфузная путаница. Один делает сенсационное открытие, что Красная Армия есть *классовая* армия, армия проле-

тарской диктатуры. Другой к этому присоединяет, что, будучи революционной армией и международной, Красная Армия должна быть наступательной. Третий предлагает, в целях наступательности, обратить особое внимание на кавалерию и авиацию. Наконец, четвертый предлагает не забывать о применении танков Махно. С миру по тачанке — Красной Армии доктрина. Однако, нужно сказать, что в этих открытиях крупицы здоровых, не новых, но правильных, мыслей совершенно тонут под шелухой пустословия.

3. Что такое военная доктрина?

Не будем искать общих логических определений потому, что они сами по себе вряд ли выведут нас из затруднения ¹⁾. Подойдем лучше к вопросу исторически. Старый взгляд гласил, что основы военной науки вечны и общи для всех времен и народов. Конкретное же преломление этих вечных истин имеет национальный характер. Отсюда — немецкая военная доктрина, французская, русская и т. д. Если, однако, проверить инвентарь вечных истин военной науки, то получим немногим более нескольких логических аксиом евклидовских постулатов. Защита флангов.

¹⁾ Т. Фрунзе пишет: «Можно было бы предложить такое определение «единой военной доктрины»: это есть принятое в армии данного государства единое учение, устанавливающее формы строительства вооруженных сил страны, методы боевой подготовки войск и их вождения на основе господствующих в государстве взглядов на характер лежащих перед ним военных задач и способы их разрешения, вытекающие из классового существа государства и состояния его производительных сил» («Красная Новь», № 2, стр. 94. Статья М. Фрунзе: «Единая военная доктрина и Красная Армия»).

Можно условно принять и это определение. Однако, как свидетельствует вся статья тов. Фрунзе, выводы из приведенного определения ничем не обогащают идейного арсенала Красной Армии. Подробнее об этом мы, впрочем, скажем далее.

обеспечение коммуникации и отступления, удар по наименее защищенному пункту противника и пр. и пр. — все эти истины, в этой своей всеобъемлющей формулировке, далеко выходят в сущности за пределы военного искусства. Осел, который ворует овес из прорванного мешка (наименее защищенное место противника) и бдительно поворачивает свой круп в сторону, противоположную ожидаемой опасности, делает это на основании вечных принципов военной науки. Между тем, нельзя сомневаться, что тот осел, который ест овес, не читал ни Клаузевица, ни даже Леера.

Война, о которой мы говорим, есть общественное и историческое явление, которое возникает, развивается, меняет формы и должно исчезнуть. Уже по этому одному она не может иметь вечных законов. Но субъектом войны является человек, который имеет известные устойчивые анатомические и психические черты и вытекающие из них приемы и навыки. Человек действует в определенной и сравнительно устойчивой географической среде. Таким образом, во всех войнах всех времен и народов были некоторые общие, относительно устойчивые (но вовсе не абсолютные) черты. На их основе развивается историческое военное искусство. Его методы и приемы меняются так же, как и общественные условия, его определяющие (техника, классовое строение, формы государственной власти).

Под именем национальной военной доктрины и понимался сравнительно устойчивый, но все же временный комплекс (сочетание) военных расчетов, методов, приемов, навыков, лозунгов, настроений в соответствии со всем строем общества и, прежде всего, с характером господствующего класса.

Что такое, например, военная доктрина Англии? В ее состав, очевидно, входят (или входили): признание необходимости морской гегемонии, отрицательное

отношение к постоянной сухопутной армии и к военной повинности, или, еще точнее: признание необходимости, чтобы английский военный флот был сильнее двух следующих самых сильных флотов, вместе взятых, и тем обеспечивал возможность содержания маленькой армии на добровольческих началах. С этим было связано поддержание такого порядка в Европе, при котором ни одна из сухопутных держав не могла получить решающего перевеса на континенте.

Несомненно, что эта английская «доктрина» была самой устойчивой из всех военных доктрин. Ее устойчивость и определенность обуславливались длительным, планомерным, безостановочным развитием великобританского могущества, без таких событий и потрясений, которые радикально меняли бы мировое (или европейское, что раньше означало то же самое) соотношение сил. Сейчас, однако, это положение окончательно нарушилось. Сильнейший удар своей «доктрине» Англия нанесла во время войны, будучи вынуждена строить свою армию на основе военной повинности. «Равновесие» на европейском континенте нарушено. Устойчивость нового соотношения сил ни в ком не вызывает доверия. Могущество Соединенных Штатов исключает возможность дальнейшего автоматического поддержания господства великобританского флота. Сейчас рано предсказывать, чем закончится Вашингтонская Конференция. Но совершенно очевидно, что со времени империалистской войны «военная доктрина» Великобритании стала недостаточной, несостоятельной и прямо негодной. А новой ей на смену еще нет. И очень сомнительно, чтобы она появилась, ибо эпоха военных и революционных потрясений и радикальной перегруппировки мировых сил ставит очень узкие пределы военной доктрине в том смысле, в каком мы ее выше определили по отношению к Англии: *военная „доктрина“ предполагает относи-*

тельную устойчивость внешней и внутренней обстановки.

Гораздо менее определенный и устойчивый характер, даже и в прошлую эпоху, получает военная доктрина, если мы обратимся к странам европейского континента. Что составляло—хотя бы за промежуток времени между франко-прусской войной 1870—71 годов и империалистской войной 1914 г.—содержание военной доктрины Франции? Признание, что Германия есть наследственный, непримиримый враг, идея реванша, воспитание армии и молодого поколения в духе этой идеи, культивирование союза с Россией, преклонение перед военной мощью царизма, наконец, поддержание, хотя и не очень уверенное, бонапартистской военной традиции смелого наступления. Длительная эпоха вооруженного мира (с 1871 по 1914 г.) придавала все же относительную устойчивость военно-политической ориентации Франции. Но чисто-военные элементы французской доктрины были очень скудны. Война подвергла доктрину наступления жестокому испытанию. Французская армия после первых же недель зарылась в землю, и хотя истинно-французские генералы и истинно-французская пресса не уставали твердить в первый период войны, что подземная, траншейная война есть низменное немецкое изобретение и не отвечает героическому духу французского воина, тем не менее, вся война разыгралась, как позиционная борьба на истощение. В настоящее время доктрина чистого наступления, хотя и перенесена в новые уставы, но, как увидим, встречает резкий отпор в самой Франции.

Военная доктрина после-бисмарковской Германии была несравненно более агрессивной по существу, в соответствии с политикой страны, но более осторожной по стратегическим формулировкам. «Принципы стратегии ни в чем не возвышаются над здравым

смыслом» —учила германская инструкция для высших военачальников. Однако, быстрый рост капиталистического богатства и народонаселения поднимал правящие верхи, и прежде всего дворянско-офицерскую касту Германии, на все большую высоту. Правящие классы Германии лишены были опыта деятельности в мировом масштабе, не рассчитали сил и средств, придали своей дипломатии и стратегии архи-агрессивный характер, совершенно разошедшийся со «здравым смыслом». Германский милитаризм пал жертвой своей необузданной наступательности.

Что отсюда вытекает? Что под именем национальной доктрины в прошлые эпохи понимался комплекс устойчивых руководящих дипломатических и военно-политических идей и более или менее связанных с ними стратегических директив. Причем так называемая военная доктрина—формула военной ориентировки правящего класса данной страны в международных условиях—оказывалась тем более оформленной, чем более определенным, устойчивым и планомерным в своем развитии было внутреннее и международное положение страны.

Империалистская война и выросшая из нее эпоха величайшей неустойчивости во всех областях совершенно вырвали почву из-под национально-военных доктрин и поставили в порядок дня необходимость быстрого учета изменяющейся обстановки, ее новых группировок и комбинаций и «беспринципного» лавирования под знаком забот и тревог сегодняшнего дня. Вашингтонская Конференция открывает на этот счет поучительную картину. Совершенно неоспоримо, что сейчас, после того, как старые военные доктрины подверглись испытанию в империалистской войне, ни у одной страны не осталось таких устойчивых принципов и идей, которые можно было бы назвать национальной военной доктриной.

Можно, правда, высказать предположение, что национальные военные доктрины снова сложатся, как только определится новое мировое соотношение сил и место в нем каждого отдельного государства. Однако, это предполагает ликвидацию революционной эпохи потрясений, смену ее новой эпохой органического развития. Но именно для такого предположения нет никаких оснований.

4. Общие места и пустословие.

Казалось бы, что достаточно устойчивым элементом «военной доктрины» всех капиталистических государств в нынешнюю эпоху могла бы явиться борьба против Советской России. Но и этого нет: сложность мировой обстановки, чудовишный переплет противоречивых интересов и, главное, неустойчивость социальной базы буржуазных правительств исключают возможность последовательного проведения хотя бы только одной военной «доктрины» — борьбы против Советской России. Или, точнее сказать, борьба против Советской России так часто меняет свою форму и развивается по такой линии зигзагов, что для нас смертельной опасностью было бы усыплять свою бдительность доктринерскими словечками и «формулами» международных отношений. Единственная для нас правильная «доктрина»: *быть на чеку и глядеть в оба!* Даже при самой грубой постановке вопроса: где ждет нас главное поле военной деятельности в ближайшие годы — на востоке или на западе, — не может быть дано безусловного ответа. Слишком сложна международная обстановка. Общий ход исторического развития ясен, но события не соблюдают очередности и назревают не по календарной программе. Практически же реагировать приходится не на «ход развития», а на факты, на события. Нетрудно предугадать такие историче-

ские варианты, при которых мы окажемся вынужденными ангажироваться преимущественно на востоке или, наоборот, на западе, содействовать революции, ведя оборонную войну или, наоборот, оказаться вынужденными перейти в наступление. Только марксистский метод международной ориентировки, учета классовых сил, их комбинаций и изменений может нам позволить в каждом конкретном случае найти надлежащее решение. Общей формулы, выражающей «сущность» наших военных задач в ближайший период, придумать нельзя.

Можно, однако, — и это нередко делается — придать понятию военной доктрины более конкретное и узкое содержание, в смысле основных принципов чисто-военного дела, регулирующих все стороны военной организации, тактики и стратегии. В этом смысле можно сказать, что военная доктрина непосредственно определяет собою содержание воинских уставов. Но что же это за принципы? Некоторые доктринеры изображают дело так: нужно определить сущность и назначение армии, задачу, которая ей предстоит, и отсюда уже выводить ее организацию, ее стратегию и тактику и эти выводы закрепить в уставах. На самом деле, такая постановка вопроса схоластична и безжизненна.

Какие банальности и бессодержательности понимаются под основными принципами военного искусства, видно из торжественно цитируемых слов Фоша о том, что сущность современной войны заключается в том, чтобы, «найдя неприятельские армии, — уничтожить их, приняв для этого направление и тактику, приводящие к цели возможно скорее и вернее». Чрезвычайно содержательно! Необыкновенно расширяет наш горизонт! В дополнение к этому остается лишь сказать, что сущность современных методов питания состоит в том, чтобы найти дырку рта, внести туда?

пищу и, разжевав ее с возможно меньшей затратой энергии, проглотить. Отчего бы из этого принципа, который несколько не хуже фoшевского, не попытаться вывести дедуктивным путем,—какую именно пищу и как готовить, когда и кому поглощать и, главное, как эту пищу добыть?

Военное дело очень эмпирическое, очень практическое дело. Попытки возведения его в систему, где из основных принципов выводятся и полевой устав, и штаты эскадрона, и покрой шинели, являются очень рискованными упражнечиями Это хорошо понимал еще старик Клаузевиц. «Быть может,—писал он,—возможно написать систематическую теорию войны, исполненную мысли и содержательную, но наши нынешние далеки от этого. Они (не говоря даже о ненаучном их духе), гоняясь за связностью и полнотой системы, преисполнены общими местами и пустословием всякого рода».

5. Есть или нет у нас „военная доктрина“?

Итак, нужна ли нам «военная доктрина» или не нужна? Кое-кто обвинял меня в том, что я «уклоняюсь» от ответа на этот вопрос. Но, ведь, для того, чтобы ответить, нужно знать, о чем спрашивают, т. е., что понимают под военной доктриной? Пока вопрос не поставлен ясно и осмысленно, приходится «уклоняться» от ответа. Чтобы приблизиться к правильной постановке вопроса, расчленим, после всего изложенного выше, самый вопрос на его составные части. С этой точки зрения в «военную доктрину» могут войти следующие элементы:

1. Основная (классовая) ориентировка нашей страны, представленной своим правительством, в вопросах хозяйства, культуры и пр., т. е. во внутренней политике.

2. Международная ориентировка рабочего государства. Важнейшие линии нашей мировой политики и, в связи с этим, возможные театры наших военных действий.

3. Состав и строение Красной Армии в соответствии с природой рабоче-крестьянского государства и задачами его вооруженной силы.

4. Стратегическое и тактическое учение о Красной Армии.

Учение об организации армии (п. 3) вместе со стратегическим учением (п. 4) и должны, очевидно, составлять военную доктрину в собственном (или тесном) смысле слова.

Расчленение можно бы повести и далее. Так, возможно выделить из перечисленных пунктов вопросы о технике Красной Армии, о постановке пропаганды в ней и пр.

Нужно ли, чтобы у правительства, у руководящей партии, у военного ведомства по всем этим вопросам были определенные воззрения? Ну, разумеется, нужно. Можно ли строить Красную Армию, не имея взглядов на то, каков должен быть ее социальный состав, как укомплектовывать офицерско-комиссарский корпус, как формировать, обучать и воспитывать части и пр.? В свою очередь, нельзя иметь ответа на эти вопросы, не разобравшись в основных, внутренних и международных задачах рабочего государства. Другими словами, военное ведомство должно иметь руководящие начала, на которых оно строит, воспитывает и реорганизует армию.

Нужно ли (можно ли) совокупность этих начал называть военной доктриной?

На это я отвечал и отвечаю: если кто хочет совокупность принципов и практических методов Красной Армии назвать военной доктриной, то, не разделяя такого пристрастия к блеклым позументам старой

официальщины. я не стану, однако, из-за этого воевать (моя уклончивость). Но если кто осмеливается утверждать, что у нас этих принципиальных начал и практических методов нет¹⁾, что наша коллективная мысль пад этим не работала и не работает, то я отвечаю: вы говорите неправду; вы ошьяняете себя и других пустословием. Вместо того, чтобы вопить о военной доктрине, вы предъявите ее, продемонстрируйте, покажите хоть частичку той военной доктрины, которой недостает Красной Армии. Но вся беда в том, что как только наши военные «доктринеры» от причитаний о пользе доктрины переходят к попыткам предъявить таковую или наметить хотя бы самые общие ее очертания, они либо повторяют с грехом пополам то, что было давно сказано, что вошло в сознание, что закреплено резолюциями партийных и советских съездов, декретами, положениями, уставами, инструкциями, гораздо лучше и точнее, чем у наших мнимых новаторов, либо путаются, сбиваются и несут совершенно непозволительную отсебятину.

Сейчас мы это покажем на каждом из составных элементов так называемой военной доктрины в отдельности.

6. „Какую и для каких задач армию мы готовим“?

«Старая армия служила орудием классового угнетения трудящихся буржуазией. С переходом власти к трудящимся и эксплуатируемым классам возникла необходимость создания новой армии, которая явится

¹⁾ Т. Соломин обвиняет нас (см. военно-научный журнал «Военная наука и революция») в том, что мы до сих пор не ответили на вопрос: «Какую и для каких задач армию мы готовим?»

оплотом Советской власти в настоящем, фундаментом для замены постоянной армии всенародным вооружением в ближайшем будущем и послужит поддержкой для грядущей социалистической революции в Европе».

Так гласит декрет Совета Народных комиссаров от 12 января 1918 г. об образовании Красной Армии. Я очень жалею, что не могу привести здесь все то, что говорят о Красной Армии наша партийная программа и резолюции наших съездов. Настоятельно рекомендую читателю перечитать их: это полезная и поучительная литература. Там очень ясно сказано — «какую и для каких задач армию мы готовим». Что же собираются на этот счет прибавить новоявленные военные доктринеры? Вместо того, чтобы мудрствовать над перелицовкой точных и ясных формулировок, лучше заняться их пропагандистским разъяснением среди молодых красноармейцев. Это — куда полезнее.

Но, скажут — и говорят: в резолюциях и декретах недостаточно подчеркнута *международная* роль Красной Армии, и, в частности, необходимость готовиться к наступательным революционным войнам. На этом особенно настаивает Соломин: «... Мы готовим классовую армию пролетариата, — пишет он там же (страница 22), — рабоче-крестьянскую армию не только к обороне против буржуазно-помещичьей контр-революции, но и к революционным войнам (и оборонительным, и наступательным) против империалистских держав, к войнам полугражданского (?) типа, в которых наступательная стратегия может сыграть значительную роль». Таково это откровение, почти революционное евангелие от Соломина. Но — увы — как это часто бывает с апостолами, наш автор жестоко ошибается, думая, что он открывает нечто новое. Он только плохо формулирует старое. Именно потому, что война есть продолжение политики с винтовкой в руках, для нашей партии не было и не могло быть принципиаль-

ного спора о месте, какое могут и должны занять революционные войны в развитии мировой революции рабочего класса. Вопрос этот поставлен и разрешен в русской марксистской печати не со вчерашнего дня. Я мог бы привести десяток руководящих статей в партийной печати, особенно со времени империалистской войны, в которых о революционной войне рабочего государства говорится, как о чем-то само собою разумеющемся. Но я отойду еще дальше назад и приведу строки, которые мне пришлось писать в 1905—06 годах.

«Это (развитие русской революции) с самого начала придает развертывающимся событиям интернациональный характер и открывает величайшую перспективу: политическое раскрепощение, руководимое рабочим классом России, поднимает руководителя на небывалую в истории высоту, передает в его руки колоссальные силы и средства и делает его инициатором мировой ликвидации капитализма, для которой история создала все объективные предпосылки.

«Если российский пролетариат, временно получивши в свои руки власть, не перенесет по собственной инициативе революцию на почву Европы, его *вынудит* к этому европейская феодально-буржуазная реакция.

Разумеется, было бы праздным делом предопределять те пути, какими русская революция перебросится в старую капиталистическую Европу: эти пути могут оказаться совершенно неожиданными. *Скорее для иллюстрации мысли, чем в виде предсказания, мы останавливаемся на Польше, как на соединительном звене между революционным Востоком и революционным Западом.*

Торжество революции в России означает неизбежную победу революции в Польше. Нетрудно себе представить, что революционный режим в десяти польских

губерниях русского захвата неизбежно поставит на ноги Галицию и Познань¹⁾. Правительства Гогенцоллерна и Габсбурга ответят на это тем, что стянут военные силы к польской границе, чтобы затем перешагнуть через нее и раздавить врага в его центре—Варшаве. Ясно, что русская революция не сможет оставить в руках прусско-австрийской солдатчины свой западный авангард. Война с правительствами Вильгельма II и Франца-Иосифа станет при таких условиях законом самосохранения для революционного правительства России. Какое положение займет при этом германский и австрийский пролетариат? Ясно, что он не может оставаться спокойным наблюдателем контр-революционного крестового похода своих национальных армий. Война феодально-буржуазной Германии против революционной России означает неизбежно пролетарскую революцию в Германии. Кому такое утверждение покажется слишком категорическим, тому мы предложим представить себе другое историческое событие, которое было бы более способно толкнуть германских рабочих и германскую реакцию на путь открытого соразмерения сил» (см. Троцкий: «Наша революция, стр. 280).

Разумеется, события расположились не в той исторической последовательности, которая лишь примерно, для иллюстрации мысли, намечалась в этих строках 16 лет тому назад. Но основной ход развития подтвердил и подтверждает прогноз о том, что эпоха пролетарской революции неизбежно станет эпохой революционных войн, и что завоевание власти молодым русским пролетариатом неизбежно толкнет его на поле войны с силами мировой реакции. Таким образом, уже полтора десятилетия тому назад нам было в основном ясно—«какую и для каких задач армию» мы должны будем готовить.

¹⁾ Напоминаю, что это писалось в 1905 г.

7. Революционная политика и методизм.

Итак, на счет революционной наступательной войны для нас *принципиального* вопроса не существует. Но по отношению к этой «доктрине» пролетарское государство должно сказать то же, что сказал по отношению к революционному наступлению рабочих масс в буржуазном государстве (доктрина оффензивы) последний международный конгресс: только предатель может отрицать наступление; только простак может сводить к нему всю стратегию.

К сожалению, среди наших новоявленных доктринеров есть немало таких *простаков наступления*, которые под флагом военной доктрины пытаются внести в наш военный оборот те самые односторонние «левые» тенденции, которые ко времени III Конгресса Коминтерна получили свое завершение в виде теории оффензивы: *так как* (!) у нас революционная эпоха, *то* (!) коммунистическая партия должна вести политику оффензивы. Перевод «левизны» на язык военной доктрины означает возведение оштраки в степень. Сохраняя принципиальную основу непримиримой классовой борьбы, марксистская тактика в то же время отличается чрезвычайной гибкостью, подвижностью или, говоря военным языком, маневренностью. Этой принципиальной выдержанности при гибкости методов и форм противостоит жесткий методизм, который из участия или неучастия в парламентской работе, из признания или отрицания соглашения с некоммунистическими партиями и организациями делает абсолютный метод, будто бы пригодный для всех и всяких обстоятельств.

Самое слово «методизм» чаще всего применяется в военно-стратегической литературе. Стремление возвести в устойчивую систему известную комбинацию

действий, отвечающую определенным условиям, характеризует эпитонов, посредственных полководцев и рутинеров. Так как люди воюют не всегда, а с большими перерывами, то давление методов и приемов последней войны на сознание военных деятелей эпохи мира представляет обычное явление. Методизм ярче всего проявляется поэтому в военной области. Несомненно, что ошибочные тенденции методизма находят свое выражение в потугах построения доктрины «наступательной революционной войны».

В эту доктрину входят два элемента: международно-политический и оперативно-стратегический, ибо речь идет, во-первых, о том, чтобы на языке войны развить наступательную международную политику с целью ускорения революционной развязки, и, во-вторых, о том, чтобы усвоить самой стратегии Красной Армии наступательный характер. Эти два вопроса, хотя и связанные в известных отношениях, нужно, однако, разделить.

Что мы не отказываемся от революционных войн. об этом свидетельствуют не только статьи и резолюции, но и крупные исторические факты. После того, как польская буржуазия навязала нам (весной 1920 г.) оборонительную войну, мы сделали попытку развить нашу оборону в революционное наступление. Правда, оно не увенчалось успехом. Но именно отсюда вытекает немаловажный дополнительный вывод: революционная война, неоспоримое орудие нашей политики при известных условиях, может—при других условиях—дать результат, противоположный тому, на какой она была рассчитана.

В период Брест-Литовска, нам пришлось впервые применять в широком масштабе, политико-стратегическое отступление. Тогда многим касалось, что оно будет для нас губительным. Но прошло всего несколько месяцев, как обнаружилось, что время хорошо пора-

ботало за нас. В феврале 1918 года уже подкопанный германский милитаризм был, однако, еще достаточно силен, чтобы раздавить нас с нашими ничтожными в то время военными силами. В ноябре он уже рассыпался в прах. Наше брестское международно-политическое отступление было нашим спасением.

После Бреста нам пришлось вести непрерывную войну с белыми армиями и иностранными оккупационными отрядами. Эта малая война была и оборонительной и наступательной как в политическом, так и в военном отношении. В целом, однако, наша государственная международная политика за этот период была преимущественно политикой обороны и отступления (отказ от советизации прибалтийских государств, неоднократные предложения нами мирных переговоров, при нашей готовности идти на самые крупные уступки, «новая» экономическая политика, признание долгов и пр.). Мы проявляли, в частности, величайшую уступчивость по отношению к Польше, предлагая ей условия более выгодные, чем те, какие были намечены для нее странами Антанты. Усилия наши не увенчались успехом. Пилсудский напал на нас. Война получила явно оборонительный характер с нашей стороны. Этот факт в чрезвычайной степени содействовал сплочению общественного мнения не только рабочих и крестьян, но и многочисленных буржуазно-интеллигентских элементов. Успешная оборона естественно развернулась в победоносное наступление. Мы, однако, переоценили революционность внутреннего положения Польши в тот период. Эта переоценка нашла свое выражение в чрезвычайной, т. е. несоответственной с ресурсами, наступательности нашей операции. Мы шли вперед слишком налегке, и результат известен: мы были отброшены.

Почти одновременно с этим могучая революционная волна в Италии разбилась не столько о сопро-

тивление буржуазии, сколько о предательскую пассивность руководящих рабочих организаций. Неудача нашего августовского похода на Варшаву и разгром сентябрьского движения в Италии изменили соотношение сил в пользу буржуазии во всей Европе. В политическом положении буржуазии проявляется с этого времени больше устойчивости, в ее поведении—больше уверенности. Попытка Германской Коммунистической Партии искусственной генеральной оффензивой ускорить развязку не дала и не могла дать желаемого результата. Революционное движение обнаружилось более медленным темпом, чем мы ожидали в 18—19 гг. Социальная почва остается, однако, минированной. Торгово-промышленный кризис принимает чудовищные размеры. Резкие перемены политического развития, в форме революционных взрывов, вполне возможны в самом недалеком будущем. Но, в общем, развитие получило более затяжной характер. Третий Конгресс Интернационала призвал коммунистические партии к тщательной и упорной подготовке. Во многих странах коммунистам пришлось проделать значительные стратегические отступления, отказавшись от непосредственного разрешения тех боевых задач, которыми они задавались недавно. Инициатива наступления временно перешла в руки буржуазии. Работа коммунистических партий имеет сейчас по преимуществу оборонительный и организационно-подготовительный характер. Наша революционная оборона остается, как всегда, эластичной и упругой, то-есть способной при соответственной перемене условий превратиться в контр-наступление, которое, в свою очередь, может завершиться решающей битвой.

Неудача похода на Варшаву, победа буржуазии в Италии, временный отлив в Германии заставили нас проделать крутое отступление, которое началось с рижского довра и остановилось на условном признании царских долгов.

В области хозяйственного строительства мы, за тот же период, совершили не меньшее отступление: допущение концессий, уничтожение хлебной монополии, сдача в аренду многочисленных промышленных предприятий и пр. Основной причиной этих последовательных отступлений является факт продолжающегося капиталистического окружения, т. е. относительной устойчивости буржуазного режима.

Чего же собственно хотят те глашатаи военной доктрины (мы называем их для краткости доктринерами—они этого заслужили), которые требуют, чтобы мы ориентировали Красную Армию под углом зрения наступательно революционной войны? Хотят ли они полного признания принципа? Тогда они ломятся в открытую дверь. Или же они считают, что в международной или в нашей внутренней обстановке наступили такие условия, которые ставят для нас наступательную революционную войну в порядок сегодняшнего дня? Но тогда наши доктринеры должны направить свои удары не по военному ведомству, а по нашей партии и по Коммунистическому Интернационалу, ибо не кто другой, как мировой конгресс этим летом дал отпор наступательной революционной стратегии, как несвоевременной, призвал все партии к тщательной подготовительной работе и одобрил, как вытекающую из обстоятельств, оборонительно-маневренную политику Советской России.

Или, может-быть, кое-кто из наших доктринеров считает, что в то время, как «слабые» коммунистические партии в буржуазных государствах должны вести подготовительную работу, «всемогущей» Красной Армии надлежит развернуть наступательную революционную войну? Может-быть, и впрямь некоторые нетерпеливые стратеги собираются переложить тяжесть международного или хотя бы только европейского «последнего решительного боя» на плечи Крас-

ной Армии? Кто всерьез проповедует такую политику, тому уж лучше повесить себе жернов на шею и поступить согласно дальнейшему евангельскому указанию.

8. Воспитание „в духе“ наступления.

Пытаясь выпутаться из противоречий наступательной доктрины в эпоху оборонительного отступления, т. Соломин придает «доктрине» революционной войны... воспитательное значение. Сейчас, признает он, мы действительно заинтересованы в мире и будем его всячески отстаивать. Но, несмотря на нашу оборонительную политику, революционные войны неизбежны. Мы к ним должны готовиться, а, следовательно, и воспитывать наступательный «дух» на предмет будущей потребности. Наступление надо, следовательно, понимать не во плоти, а в духе и истине. Другими словами, наряду с мобилизационным запасом сухарей т. Соломин хочет иметь мобилизационный запас наступательного энтузиазма. Час от часу не легче! Если выше мы видели у нашего суровейшего критика непонимание методов революционной стратегии, то здесь мы констатируем непонимание законов революционной психологии.

Мы нуждаемся в мире не по соображениям доктрины, а потому, что трудящиеся устали от войны и лишений. Наши усилия направлены на то, чтобы отстоять для рабочих и крестьян возможно длительный период мира. Мы объясняем самой армии, что не можем демобилизоваться только потому, что нам грозят новые нападения. Из этих условий Соломин делает тот вывод, что мы должны «воспитывать» Красную Армию в идеологии наступательной революционной войны. Какой идеалистический взгляд на «воспитание»! «Мы не в силах воевать и не собираемся

воевать, но должны быть готовыми,—меланхолически мудрит т. Соломин,—а потому готовиться к наступлению,—такова противоречивая формула, к которой мы пришли». Формула действительно противоречивая. Но если Соломин думает, что это «хорошее противоречие—диалектическое,—то он ошибается: это просто путаница.

Наша внутренняя политика в последний период имела одной из важнейших своих задач сближение с крестьянином. Особенно остро вопрос о крестьянстве встает перед нами в армии. Думает ли Соломин серьезно, что теперь, когда непосредственная помещичья опасность устранена, а европейская революция остается потенциальной, мы можем сплотить более чем миллионную, на девять десятых крестьянскую армию под знаменем наступательной войны во имя развязки пролетарской революции? Такого рода пропаганда была бы мертва.

Конечно, мы ни на минуту не собираемся скрывать от трудящихся, в том числе и от Красной Армии, что принципиально мы всегда будем за наступательно-революционную войну в тех условиях, когда она может содействовать освобождению трудящихся в других странах. Но думать, что на этом принципиальном заявлении можно создать или «воспитать» действительную идеологию Красной Армии в нынешних условиях, значит не понимать ни Красной Армии, ни нынешних условий. В самом деле, каждый толковый красноармеец не сомневается, что если на нас зимой и весной никто не нападет, то мы-то уж во всяком случае не нарушим мира, а будем изо всех сил залечивать раны, пользуясь передышкой. В нашей истощенной стране мы учимся военному делу, вооружаемся, строим большую армию для того, чтобы обороняться, если на нас нападут. Вот это «доктрина—ясная, простая и отвечающая действительности.

Именно потому, что мы так ставили вопрос весной 1920 года. каждый красноармеец твердо усвоил себе, что буржуазная Польша навязала нам войну, которой мы не хотели, и от которой мы стремились оградить народ величайшими уступками. Именно из этого сознания выросло величайшее возмущение против врага и ненависть к нему. Именно благодаря этому война, начавшись, как оборонительная, могла развернуться как наступательная

Противоречие между оборонительной пропагандой и наступательным — в конечном счете — характером войны является «хорошим», жизненным диалектическим противоречием. И у нас нет никакого основания изменять характер и направление нашей военно-воспитательной работы в угоду путаникам, хотя бы и говорящим во имя военной доктрины.

Когда говорят о революционных войнах, то вдохновляются чаще всего воспоминанием о войнах Великой Французской Революции. Там тоже начали с обороны, на обороне создали армию, затем перешли в наступление. Под звуки марсельезы вооруженные санкюлоты революционным помелом прошли по всей Европе.

Исторические аналогии—дело очень соблазнительное. Прибегнуть к ним нужно, однако, с осторожностью. Иначе за формальными чертами сходства можно проглядеть материальные черты различия. Франция в конце XVII столетия была самой богатой и самой цивилизованной страной европейского континента. Россия XIX столетия является самой бедной и самой отсталой страной Европы. Революционная задача французской армии имела гораздо более поверхностный характер, чем те революционные задачи, которые стоят перед нами сейчас: тогда дело шло о низвержении «тиранов», об устранении или смягчении феодального крепостничества. Наше дело идет о полном уничтожении эксплуататорства и классового гнета.

Но и в отношении буржуазно-революционных задач роль оружия Франции, т.-е. передовой страны по отношению к остальной Европе, оказалась очень ограниченной и преходящей. К моменту падения бонапартизма, выросшего из революционной войны, Европа вернулась к своим королям и феодалам.

В той гигантской классовой борьбе, которая разыгрывается ныне, роль военного вмешательства извне может иметь только сопутствующее, содействующее, вспомогательное значение. Военное вмешательство может ускорить развязку и облегчить победу. Но для этого нужно, чтобы революция созрела не только в социальных отношениях,—это уже есть,—но и в политическом сознании. Военное вмешательство—как щипцы акушера: примененное во-время, оно способно облегчить родовые муки; пущенное в ход преждевременно, оно может дать лишь выкидыш.

9. Стратегическое и техническое содержание «военной доктрины» (маневренность).

Сказанное до сих пор относится не столько к самой Красной Армии, к ее строению и методам действий, сколько к тем политическим задачам, какие ей ставит рабочее государство.

Подойдем теперь к военной доктрине в более узком смысле слова. Мы слышали от тов. Соломина, что до тех пор, пока мы не утвердим доктрины наступательной революционной войны, мы будем путаться и сбиваться в организационных, военно-педагогических и иных вопросах. Однако, этого общего места нам маловато. Вместо того, чтобы повторять, что из хорошей доктрины должны воследовать хорошие практические выводы, отчего бы не попробовать эти выводы предъявить? Увы! Как только наши доктринеры попытаются подойти к выводам, они преподносят

нам либо беспомощный пересказ задов, либо вреднейшую отсебятину.

Энергичнее всего наши новаторы пытаются укрепить якорь военной доктрины в области оперативных вопросов. Стратегически Красная Армия, по их заявлениям, *принципиально* отличается от всех других армий, так как в нашу эпоху позиционной неподвижности основными чертами операций Красной Армии являются: *маневренность и наступательность*.

Несомненно, что операции гражданской войны отличаются чрезвычайной маневренностью. Но нужно со всей точностью поставить вопрос: вытекает ли маневренность Красной Армии из ее внутренних свойств, классової природы, революционного духа, боевого порыва, или же из объективных условий: огромности военных театров и относительной малочисленности войск? Этот вопрос имеет немаловажное значение, если допустить, что революционные войны будут вестись не только на Дону и на Волге, но и на Сене, на Шельде и на Темзе.

Но вернемся пока к родным рекам: Отличалась ли маневренностью только Красная Армия? Нет, стратегия белых—слошь маневренная. Их войска были в большинстве случаев слабее наших количественно и морально, но выше по военной квалификации. Отсюда необходимость маневренной стратегии выростала, прежде всего, для белых. Мы у них учились этой маневренности на первых порах. В последний период гражданской войны мы всегда имели маневр против маневра. Наконец, наибольшей маневренностью отличались действия отрядов Унгерна и Махно—этих бандитских вырождений гражданской войны. Какой отсюда вывод? Маневренность свойственна не революционной армии, а гражданской войне, как таковой.

Операции в национальных войнах сопровождаются страхом перед пространством Оторвавшись от базы,

от своих, от области своего языка, армия или отряд попадает в абсолютно чуждую среду, где не найдет ни опоры, ни приютия, ни помощи. В гражданской войне каждая из сторон найдет в тылу противника в большей или меньшей степени сочувствие и поддержку. Национальные войны ведутся (или, по крайней мере, велись) тяжеловесными массами с использованием всех национально-государственных ресурсов обеих сторон. Гражданская война означает раздвоение сил и средств потрясенной революцией страны и ведется, особенно на первых порах, инициативным меньшинством каждой стороны, следовательно— более или менее жидкими и потому подвижными массами, и поэтому гораздо более зависит от импровизации и случайностей.

Маневренность характеризует гражданскую войну в обоих лагерях. Нельзя, следовательно, маневренность считать особым выражением революционного характера Красной Армии.

В гражданской войне мы победили. У нас нет никакого основания сомневаться в том, что перевес стратегического руководства был на нашей стороне. В последнем счете, однако, победа была обеспечена энтузиазмом и самоотвержением рабочего авангарда и поддержкой крестьянской массы. Но эти условия не создаются Красной Армией, а представляют собой исторические предпосылки ее возникновения, развития и успехов.

Тов. Варин в журнале «Военная Наука и Революция» говорит о том, что подвижность наших войск превосходит все исторические прецеденты. Это очень интересное утверждение. Желательно было бы его тщательно проверить. Несомненно, что исключительная быстрота продвижения, требующая выносливости и самоотвержения, обуславливалась революционным духом армии, тем порывом, какой вносили в нее коммунисты. Вот интересная работа для слушателей

нашей Военной Академии—сравнить походы Красной Армии, с точки зрения расчетов движения, с другими историческими примерами, в частности—с походами армий Великой Французской Революции. С другой стороны, надо сравнить те же элементы у красных и белых в нашей гражданской войне. Когда мы наступали, они отступали, и наоборот. Действительно ли мы проявляли в среднем большую выносливость в переходах, и в какой мере она явилась одним из факторов нашей победы? Что в отдельных случаях коммунистическая закваска могла дать сверхчеловеческое напряжение сил, это бесспорно. Но обнаруживается ли этот результат на целой кампании, в течение которой должны были сказаться пределы физической емкости организма,—это поддежало бы особому обследованию. Такое исследование не обещает, конечно, опрокинуть вверх дном всю стратегию. Но оно, несомненно, обогатит наше познание природы гражданской войны и революционной армии некоторыми ценными фактическими данными.

Стремление закрепить и возвести в догмат те черты стратегии и тактики Красной Армии, которые характеризовали ее в прошлый период, могло бы нанести величайший ущерб и даже стать роковым. Уже заранее можно сказать, что операции Красной Армии на азиатском материке—если бы им там суждено было развернуться—имели бы по необходимости глубоко маневренный характер. Важнейшую, а в некоторых случаях и единственную роль пришлось бы играть коннице. Но, с другой стороны, нет никакого сомнения в том, что военные действия на западном театре имели бы гораздо более связанный характер. Операции на территории с другим по национальному составу и более плотным населением,—при более высоком отношении численности армии к территории—несомненно приблизили бы войну к позиционной и, во всяком

случае, свели бы маневренную свободу к несравненно более узким границам.

Признание недоступности для Красной Армии защиты укрепленных пунктов (Тухачевский) в общем и целом правильно подводит уроки прошлого периода, но ни в каком случае не может быть признано безусловным указанием для будущего. Защита укрепленных пунктов требует крепостных войск или вернее войск высокого уровня, сплоченных опытом и уверенных в себе. В прошлый период мы это только накапливали. Каждый полк в отдельности и вся армия в целом были живой импровизацией. Можно было обеспечить подъем, порыв—и мы этого достигали, но нельзя было искусственно создать необходимую рутину, автоматическую спайку, уверенность соседних частей во взаимной выручке. Нельзя было приказом создать традиции. Теперь это в значительной мере есть и будет накапливаться чем дальше, тем больше. Этим самым заложены предпосылки как для лучшего ведения маневренных операций, так—в случае нужды—и для позиционных действий.

Надо отказаться от попыток строить абсолютную революционную стратегию, брать для нее элементы из ограниченного опыта трехлетней гражданской войны, где части определенного качества сражались в определенных условиях. От этого очень хорошо предостерегал Клаузевиц.

«Совершенно естественно,—писал он,—что в революционных войнах (Франция) оказался такой, а не иной способ сражаться; способ, который теория вперед предвидеть не могла. Но зло состоит в том, что эти способы, построенные на данных условиях, легко могут пережить сами себя; они остаются неизменными в то время, когда обстоятельства понемногу совершенно изменились. От этого именно должна предохранить ясная и разумная критика. Такому методизму подчи-

нялись в 1806 г. прусские генералы» и пр. Увы, не одни только прусские генералы склонны к методизму, т. е. к шаблону и трафарету.

10. Наступление и оборона в свете империалистской войны.

Второй специфической чертой революционной стратегии объявляется *наступательность*. Попытка построения на этом доктрины представляется тем более односторонней, что в эпоху, предшествовавшую мировой войне, стратегия наступления культивировалась вотнюдь не революционных штабах и военных академиях почти всех больших стран Европы. Вопреки тому, что пишет г. Фрунзе¹⁾, наступление было (да формально остается еще и сейчас) официальной доктриной Французской Республики. Жорес неутомимо боролся против доктринерства чистого наступления, противопоставляя ему папифистское доктринерство чистой обороны. Крутая реакция против традиционной официальной доктрины французского Генерального Штаба наступила в результате последней войны. Небесполезно будет здесь привести два ярких свидетельства. Французский военный журнал «Ревю Милитэр Франсэз» (1-е сентября 1921 г., стр. 366) приводит следующее положение, включенное французским Генеральным Штабом в 1913 г. в заимствованный у немцев «Устав о ведении боевых действий крупными единицами». «Уроки прошлого— читаем мы здесь— *принесли свои плоды: французская армия, вернувшись к своим традициям, не допускает отныне в ведении операций другого закона, кроме наступления*». «Этот закон,— говорит журнал— введенный вскоре затем в наши уставы по общей тактике и частной тактике отдельных родов оружия, должен

¹⁾ См. цитированную статью в «Красной Нови».

был лечь в основу всей нашей военной науки, которая внедрялась в сознание как слушателей нашего Генерального Штаба, так и нашего командования, при помощи собеседований, практических упражнений на карте или в поле и, наконец, путем так называемых *больших маневров*».

«Это обстоятельство — продолжает военный журнал — вызвало в то время такое увлечение знаменитым законом наступления, что всякий, кто дерзнул бы выступить с какой-нибудь оговоркой в пользу обороны, встретил бы очень плохой прием. Чтобы быть хорошим слушателем Генерального Штаба, было необходимо, хотя и недостаточно, беспрестанно спрягать глагол *атаковать*».

Консервативный «Журнал де Дэба», в № от 5-го октября 1921 г., подвергает под тем же углом зрения резкой критике вышедший этим летом устав пехотных маневров. «В начале этой отличной книжки — говорит газета — излагается целый ряд принципов, выставляемых, как официальная военная доктрина 1921 года. Эти принципы превосходны; но *почему составители отдали дань старому обычаю, почему первую страницу они посвящают прославлению наступления?* Почему на самом видном месте они выставляют следующую аксиому: тот, кто нападает первым, действует на психологию противника обнаружением воли, более сильной, чем воля последнего?»

Проанализировав опыт двух выдающихся моментов борьбы на французском фронте, газета говорит: «Наступление может подействовать только на психологию противника, лишенного средств, или слабого в такой степени, на какую никогда нельзя рассчитывать. На противника, сознающего свою силу, атака вовсе не производит угнетающего действия. В факте неприятельского наступления он отнюдь не видит обнаружения воли, более сильной, чем его собственная. Если

оборона сознательно задумана и подготовлена, как в августе 14-го (немцами) или как в июле 18-го года (французами), тогда, наоборот, обороняющийся считает, что его воля сильнее, потому что *противник попадает в западню*.

«Вы делаете странную психологическую ошибку,— продолжает военный критик — опасаясь пассивности француза и его пристрастия к обороне. Француз всегда готов броситься в наступление—будь то первым или вторым,— в наступление, как следует организованное. Но не рассказывайте ему больше сказок из «Тысячи и Одной Ночи» о господине, который атакует первым, обладая более сильной волей».

«Одним фактом наступления еще не обеспечивается успех. Оно бывает успешно, когда для него собраны всевозможные средства, превосходящие средства противника. *Ибо, в конце концов, побеждает всегда тот, кто оказывается более сильным в момент борьбы*».

Конечно, можно попытаться отвести этот вывод, как вытекающий из опыта позиционной войны. На самом же деле, он вытекает из маневренной войны с еще большей непосредственностью и очевидностью, хотя и в ином виде. Маневренная война есть война больших пространств. В стремлении истребить живую силу врага, она не дорожит пространством. Ее подвижность выражается не только в наступлении, но и в отступлении, которое есть только перемена позиции.

II. Наступательность, инициативность и активность.

В первый период революции красные войска вообще уклонялись от наступления, предпочитая братание и разговоры. В период, когда революционная идея стихийно разливалась по стране, этот метод был очень

действителен. Белые в тот период, наоборот, пытались форсировать наступления, чтобы удержать свои войска от революционного распада. Даже и после того, как разговоры перестали быть важнейшим ресурсом революционной стратегии, белые продолжали отличаться большей наступательностью, чем мы. Только постепенно красные войска развили в себе активность и уверенность, обеспечивающие возможность решительных действий. Маневренность чрезвычайно характеризует дальнейшие операции Красной Армии. Конные рейды являются наиболее ярким выражением этой маневренности. Однако же, рейдам нас научил Мамонтов. У белых же мы учились острым прорывам, обхватам, проникновению в тыл противника. Вспомним-ка! Против белых отрядов мы первое время пытались охранять Советскую Россию кордоном, держась друг за друга. Только потом, научась у врага, смыкались в кулаки и придали этим кулакам подвижность, посадили рабочих на коней, научились совершать крупные конные налеты. Уже этого маленького усилия памяти достаточно, чтобы понять, как неосновательно, односторонне, теоретически и практически фальшиво звучит «доктрина», будто революционной армии, как таковой, свойственна маневренная наступательная стратегия. В известной обстановке она свойственна больше всего контр-революционной армии, которая недостаток количества вынуждена возмещать работой квалифицированных кадров.

Именно в маневренной войне разница между обороной и наступлением чрезвычайно стирается. Маневренная война есть война в движении. Целью движений является истребление живой силы противника — на 100 верст дальше или ближе. Маневр обещает победу, если сохраняет в наших руках инициативу. Основными чертами маневренной стратегии являются *не формальная наступательность, а инициативность и активность.*

Та мысль, что Красная Армия в каждый данный момент решительно наступала на важнейшем фронте, временно ослабляя себя на остальных фронтах, и что именно этим ярче всего характеризуется ее стратегия за время гражданской войны (статья т. Варина), верна по существу, но односторонне выражена и потому не дает всех необходимых выводов. Наступая на одном фронте, который мы в данный момент, по политическим или военным соображениям, считали важнейшим, мы ослабляли себя на других фронтах, считая возможным обороняться и *отступить* на них. Но ведь это именно и свидетельствует—странно, как этого не замечают,—что в общий наш оперативный замысел отступление входило, наряду с наступлением, как необходимое звено. Те фронты, где мы, обороняясь, отступали, были только участками общего нашего кольцеобразного фронта. На этих участках сражались части той же Красной Армии, ее бойцы и командиры, и если свести всю стратегию к наступлению, то очевидно, что войска на тех фронтах, где мы ограничиваемся обороной и даже отступаем, должны бы поддаться упадку и деморализации. В работу воспитания войск должна, очевидно, входить идея, что отступление не есть бегство, что бывает стратегическое отступление, вызываемое то стремлением сохранить в неприкосновенности живую силу, то сократить фронт, то глубже завлечь врага, чтобы тем вернее его раздавить. А раз законно стратегическое отступление, стало-быть, неправильно сводить всю стратегию к наступлению. Особенно это ясно и неоспоримо—повторяем—именно к маневренной стратегии. Очевидно, что маневр есть сложная комбинация движений и ударов, перебросок, маршей и боев—с окончательной целью раздавить врага. Но если из маневра исключить стратегическое отступление, то очевидно, что стратегия примет чрезвычайно прямолинейный характер, т. е. перестанет быть маневренной.

12. Тоска по устойчивым схемам.

«Какую же и для чего мы строим армию?—спрашивает т. Соломин. — Иначе говоря: какие враги нам угрожают и какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы наиболее быстро и экономично справимся с ними?» («Военная наука и революция», № 1, стр. 19).

Эта постановка вопроса ярче всего свидетельствует, что мысль самого Соломина, который вещает о новой военной доктрине, находится целиком в плену у методов и предрассудков старого доктринерства. У австро-венгерского Генерального Штаба (как и у других) имелись в течение десятилетий разработанные варианты войны: вариант «н» (против Италии) и вариант «р» (против России) и соответственные комбинации этих вариантов. Численность итальянских и русских войск, их вооружение, условия мобилизации, стратегического сосредоточения и развертывания были в этих вариантах величинами, если не постоянными, то устойчивыми. Таким образом австро-венгерская «военная доктрина», опираясь на определенные политические предпосылки, твердо знала, какие враги угрожают империи Габсбургов, и из года в год размышляла над тем, как с этими врагами «экономично» справиться. Мысль работников Генерального Штаба во всех странах текла по определенному руслу «вариантов». На изобретение лучшей брони у будущего неприятеля отвечали усилением артиллерии, и наоборот. Воспитанным в этой традиции рутинерам должно быть очень не по себе в условиях нашего военного строительства. «Какие враги нам угрожают»? Т.-е. где наши генерально-штабные варианты будущих войн? И какими стратегическими путями (оборона или наступление) мы собираемся осуществить предначертанные варианты? Читая

статью Соломина, невольно вспоминая юмористическую фигуру начетчика военной доктрины, генерала Генерального Штаба Борисова. Какой бы вопрос ни обсуждался, Борисов неизменно поднимал два пальца, чтобы иметь возможность сказать: «Вопрос этот может быть разрешен только в кругу других вопросов военной доктрины, а посему, прежде всего, надо установить должность начальника Генерального Штаба». Из чрева этого начальника Генерального Штаба должно произрасти древо военной доктрины и принести все необходимые плоды, примерно, как это произошло в древности с дочерью восточного царя. Соломин, подобно Борисову, вздыхает в сущности об утерянном рае устойчивых предпосылок «военной доктрины», когда известно было за десять, за двадцать лет, какие враги, откуда и как угрожают. Соломину, как и Борисову, нужен универсальный начальник Генерального Штаба, который собрал бы воедино черепки разбитой посуды, поставил на полку и наклеил ярлыки: вариант «п», вариант «р» и пр. и пр. Может-быть, Соломин назовет нам заодно и ту универсальную голову, которую он имеет в виду? Что касается нас, то мы—увы, такой головы не знаем и даже думаем, что ее не может быть, ибо задачи ей ставятся неосуществимые. Говоря на каждом шагу о революционных войнах и о революционной стратегии, Соломин как-раз и проглядел *революционный характер нынешней эпохи*, порождающий полное нарушение устойчивости как в международных, так и во внутренних отношениях. Германия, как военная держава, не существует. Тем не менее, французский милитаризм вынужден лихорадочными глазами следить за самыми незначительными событиями и изменениями во внутренней жизни Германии и на ее границах: а вдруг Германия поставит на ноги несколько миллионов человек? Какая Германия? Может-быть, это будет Германия Люден-

дорфа? Но, может-быть, эта Германия только даст толчок, который будет смертельным для нынешнего гнилого полу-равновесия, и расчислит путь Германии Либкнехта и Люксембург? Сколько «вариантов» нужно иметь Генеральному Штабу? Сколько планов войны нужно иметь, чтобы «экономично» справиться со всеми опасностями?

У меня в архиве есть не мало докладных записок и толстых, и тонких, и средних, ученые авторы которых с любезным педагогическим терпением разъясняли нам, что уважающая себя держава должна завести определенные, урегулированные отношения, уяснить заранее своих возможных врагов, завести себе подходящих союзников или, по крайней мере, нейтрализовать всех, кого можно. Ибо—разъясняли эти докладчики,—нельзя готовиться «в темную» к будущим войнам; нельзя определить ни численности армии, ни ее штатов, ни ее расположения. Под этими докладами я не помню подписи Соломина, но мысли его были. Авторы все, как на зло, были борисовской школы.

Международная и в том числе международно-военная ориентировка сейчас потруднее, чем в эпоху Тройственного Союза и Тройственного Согласия. Но тут уж ничего не поделаешь: эпоха величайших в истории потрясений, военных и революционных, нарушила кое-какие варианты и шаблоны. Устойчивой, традиционной, консервативной ориентировки ныне не может быть. Ориентировка должна быть бдительной, подвижной и ударной, если хотите—маневренной. Ударной—не значит наступательной, а значит строго отвечающей сегодняшней комбинации международных отношений и сосредоточивающей на сегодняшней задаче максимум сил.

Ориентировка в нынешних международных условиях требует гораздо более квалифицированной работы мысли, чем выработка консервативных элементов

военной доктрины в прошлую эпоху. Но зато и работа эта выполняется в гораздо более широком масштабе и с применением гораздо более научных методов. Основная работа по оценке международного положения и вытекающих отсюда для пролетарской революции и Советской республики задач выполняется партией, ее коллективной мыслью, в директивных формах—ее съездами и ее Центральным Комитетом. Мы имеем в виду не только Российскую Коммунистическую Партию, но и нашу международную партию. Такими педантскими кажутся требования Соломина составить каталог наших врагов и определить,—будем ли мы и на кого именно наступать,—в сравнении с той работой по оценке всех сил революции и контр-революции, в их сегодняшнем состоянии и в их развитии, каковую сделал последний конгресс Коммунистического Интернационала. Какой же вам еще «доктрины»?

Тов. Тухачевский обращался к Коммунистическому Интернационалу с предложением устроить при нем международный Генеральный Штаб. Конечно, это предложение было неправильно, не отвечало обстановке и задачам, какие формулировал сам конгресс. Если сам Коммунистический Интернационал мог быть фактически создан лишь после того, как в важнейших странах создались сильные коммунистические организации,—тем более международный Генеральный Штаб мог бы возникнуть только на основе национальных генеральных штабов *нескольких* пролетарских государств. Пока этого нет, международный штаб неизбежно превратился бы в карикатуру. Тухачевский счел необходимым свою ошибку усугубить, напечатав свое письмо в конце своей интересной книжки «Война классов». Это ошибка того же порядка, как и стремительный теоретический натиск тов. Тухачевского на милицию, будто бы стоящую в противоречии с Третьим Интернационалом. Необеспеченные наступле-

ния представляют вообще, заметим мимоходом, слабую сторону тов. Тухачевского, одного из даровитейших наших молодых военных работников.

Но и без не отвечающего обстановке и потому проектерского международного штаба, сам международный конгресс, как представительство революционных рабочих партий, выполнил и через свой Исполнительный Комитет продолжает выполнять основную идейную работу «Генерального Штаба» международной революции: учет друзей и врагов, нейтрализацию колеблющихся с целью дальнейшего их привлечения на сторону революции, оценку изменяющейся ситуации, определение ударных задач, сосредоточение на них усилий в международном масштабе.

Выводы этой ориентировки очень сложны. Они не укладываются в несколько штабных вариантов. Но уж такова наша эпоха. Преимущество нашей ориентировки в том и состоит, что она отвечает характеру эпохи и ее отношений. По этой ориентировке мы равняемся и в нашей военной политике. Она имеет сейчас активно-выжидательный, оборонительный и подготовительный характер. Более всего мы при этом озабочены тем, чтобы обеспечить за нашей военной идеологией, за нашими методами и нашим аппаратом такую упругую гибкость, которая позволяла бы нам, при всяком повороте событий, сосредоточить главные силы на главном направлении.

13. Дух обороны и дух наступления.

Но, ведь, «нельзя одновременно воспитывать в духе обороны и в духе наступления» — говорит Соломин (стр. 22). Вот это-то и есть доктринерство. Почему нельзя? Кто сказал, что нельзя? Где и кем это доказано? Никем и нигде, ибо это в корне неверно. Все искусство нашего военного строительства (не только

военного) в Советской России состоит в том, чтобы сочетать международные революционно-наступательные тенденции пролетарского авангарда с революционно-оборонительными тенденциями крестьянской массы и даже широких кругов самого рабочего класса. Это сочетание отвечает всей международной обстановке. Уясняя смысл ее передовым элементам армии, мы тем самым научаем их правильно сочетать оборону и наступление не в стратегическом только, а и в революционно-историческом смысле слова. Не думает ли Соломин, что это угашает «дух»? У него и его единомышленников есть на это намеки. Но уж это чистейшая лево-эсэровщина! Уяснение существа международной и внутренней обстановки и активное, «маневренное» к ней приспособление не могут угашать дух, а могут только закалять его.

Или, может-быть, в *чисто-военном* смысле нельзя готовить армию и для обороны, и для наступления? Но и это пустяки. Тухачевский подчеркивает в своей книжке ту мысль, что оборона в гражданской войне не могла или почти не могла иметь позиционной устойчивости. Отсюда Тухачевский делает тот правильный вывод, что оборона в таких условиях должна иметь по необходимости активный и маневренный характер так же, как и наступление. Если мы слишком слабы для нападения, мы стремимся вырваться из объятий противника, чтобы затем собраться в жулак на его дальнейшем пути и ударить его по больному месту. Неверно до нелепости утверждение Соломина, будто армия дрессируется по специальности — для обороны или для нападения. На самом деле, армия обучается и воспитывается для борьбы и победы. Оборона и наступление входят переменными моментами в борьбу, тем более, маневренную. Кто хорошо обороняется там, где нужно обороняться, и хорошо наступает там, где нужно наступать, тот побеждает. Вот единственно

здоровое воспитание, которое мы должны дать нашей армии, прежде всего — в лице ее командного состава. Ружье со штыком годится для обороны и нападения. Точно также и рука бойца. Сам боец и часть, в которую он входит, должны быть подготовлены для борьбы, для отстранения себя, для отпора врагу, для разгрома врага. Хорошо наступает тот полк, который умеет обороняться. Хорошая оборона доступна только полку, желающему и умеющему наступать. Уставы должны учить драться, а не натаскивать на наступление.

Революционность есть состояние духа, а не готовый ответ на все вопросы. Она может дать подъем, обеспечить порыв. Подъем и порыв — драгоценнейшее условие успеха, но не единственное. Нужна ориентировка, нужна выучка. А доктринерские шоры долой!

14. Ближайшие задачи.

Но неужели же в сложном переплете международных отношений не выделяются более ясные и отчетливые элементы, по которым мы должны были бы равняться в нашей военной работе ближайших месяцев?

Такие элементы есть, и они слишком громко говорят за себя, чтобы их можно было почитать секретными. На западе это — Польша и Румыния, а за их спиной — Франция. На Дальнем Востоке это — Япония. Вокруг да около Кавказа — Англия. Остановимся здесь только на вопросе о Польше, как наиболее ярком и вразумительном.

Французский министр-президент Бриан заявил в Вашингтоне, будто мы готовим к весне наступление на Польшу. У нас не только каждый командир и красноармеец, но каждый рабочий и крестьянин знает, что это чистейший вздор. Знает это, конечно, и сам

Бриан. Мы до сих пор так дорого платили большим и малым бандитам за то, чтобы они хоть временно оставили нас в покое, что только для прикрытия дьявольского замысла против нас можно говорить о «плане» нашего наступления на Польшу. Какова же наша действительная ориентировка в отношении Польши?

Мы твердо, настойчиво, не на словах, а на деле,— и прежде всего, строжайшим выполнением рижского договора—доказываем польским народным массам, что мы хотим мира и тем самым содействуем его сохранению.

Если, тем не менее, польская военная клика, подталкиваемая французской биржевой кликой, обрушится на нас весной, война с нашей стороны будет иметь и по существу и в народном сознании действительно оборонительный характер. Именно это ясное и отчетливое сознание нашей правоты в навязанной нам войне придаст высшую спайку всем элементам армии: и передовому пролетарию-коммунисту, и беспартийному, но преданному Красной Армии специалисту, и отсталому красноармейцу-крестьянину, и тем лучше всего подготовит нашу армию к инициативному и самоотверженному наступлению в этой оборонительной войне. Кому эта наша политика кажется неопределенной, условной, кому неясно, «какую и для каких задач армию мы готовим», кто думает, что «нельзя одновременно воспитывать и в духе обороны, и в духе наступления», тот ничего не понимает, тому лучше молчать и не мешать другим...

Но если в мировой обстановке мы наблюдаем столь сложные сочетания факторов, то как же нам все-таки практически ориентироваться в военном строительстве? Какой численности иметь армию? В каких соединениях? С какой дислокацией?

Все эти вопросы не допускают какого-либо абсолютного решения. Речь может идти только об эмпи-

рических приближениях и о своевременных к ним поправках в зависимости от перемены обстановки. Только безнадежные доктринеры думают, что ответы на вопросы мобилизации, формирования, обучения, воспитания, стратегии и тактики можно получить дедуктивным, формально-логическим путем из предпосылок священной «военной доктрины». Не магических, все спасающих военных формул не хватает нам, а более тщательной, внимательной, точной, бдительной, добросовестной работы на тех основах, которые нами уже прочно заложены. Наши уставы, наши программы, наши штаты не совершенны. Это бесспорно. Прорех, неправильностей, устарелого, незаконченного—сколько угодно. Это нужно исправлять, улучшать, уточнять. Но как и под каким углом зрения?

Нам говорят, что в основу пересмотра и исправлений нужно положить доктрину наступательной войны. «Эта формула означает—пишет Соломин—самый решающий (!) поворот (в строительстве Красной Армии); придется пересмотреть все (!) сложившиеся у нас взгляды, произвести полную (!) переоценку ценностей с точки зрения перехода от чисто-оборонительной стратегии к наступательной. Воспитание командного состава, подготовка одиночного бойца... вооружение—все это (!) должно впредь проходить под знаком наступления»... (стр. 22).

«Только при наличии такого единого плана—пишет он же—начавшаяся реорганизация Красной Армии выйдет из состояния бесформенности, разброда, несогласованности, шатания и отсутствия ясно сознаваемой цели». Выражения у Соломина, как видим, строго наступательные, но утверждения—вздорные. Бесформенность, шатание и разброд—в его собственной голове. Объективно в нашем строительстве есть трудности и есть практические ошибки. Но ни разброда, ни шатания, ни несогласованности нет. И

армия не позволит Соломиным выписывать свои организационные и стратегические мыслете и тем внести шатание и разброд.

Уставы и программы нужно пересмотреть не под углом доктринерской формулы чистого наступления, а с точки зрения проделанного четырехлетнего опыта. Нужно читать, обсуждать и проверять уставы на совещаниях командного состава. Нужно, чтобы живое еще воспоминание о боевых действиях, больших и малых, было сопоставлено с формулой устава и чтобы каждый командир сознательно сказал себе, отвечают ли слова делу или нет, и если расходятся, то — в чем. Собрать этот упорядоченный опыт, подытожить его, оценить его в центре стратегическим, тактическим, организационным, политическим критерием более высокого опыта; разгрузить уставы и программы от устарелого, излишнего, приблизить их в армии и заставить армию почувствовать, насколько они нужны ей и в какой мере они могут заменить ей самодельщину — вот действительно большая и насущная задача!

* * *

Ориентировка международного масштаба и большого исторического размаха у нас есть. Водной своей части она уже проверена опытом; в другой — проверяется и выдерживает испытание. Революционной инициативой и духом наступления коммунистический авангард обеспечен в достаточной мере. Не словесное, кривливое новаторство на счет новых военных доктрин нам нужно, и не трескучее их провозглашение, а систематизация опыта, улучшение организации, внимание к мелочам.

Прорехи нашей организации, нашу отсталость и бедность, особенно — техническую, не возводить нам нужно в символ веры, а устранять всемерно, стремясь приблизиться в этом отношении к империалист-

свим армиям, которые все заслуживают быть разгромленными, но у которых есть кое-какие преимущества: богатая авиация, обильные средства связи, хорошо обученный, тщательно подобранный командный состав, точность учета средств, правильность взаимоотношений. Конечно, это лишь организационно-техническая оболочка. Морально, политически буржуазные армии распадаются или идут навстречу распаду. Революционный характер нашей армии, классовая однородность командного состава и массы бойцов, коммунистическое руководство—вот где могущественнейшая и несокрушимая наша сила. Ее у нас никто не отнимет. Все внимание должно быть ныне направлено не на фантазерскую перестройку, а на улучшение и уточнение. Правильно доставлять в части пищу, не гноить продуктов, варить хорошие щи, научить истреблять вошь и содержать тело в чистоте, правильно вести занятия, и поменьше в комнате, побольше под открытым небом; толково и конкретно готовить политические беседы; снабдить каждого красноармейца служебной книжкой и правильно вести записи; научить чистить винтовку, смазывать сапоги, научить стрельбе, помочь командному составу превратить в свою внутреннюю сущность уставные заповеди о связи, о разведке, донесениях, охране; учиться и учить применению к местности; правильно наматывать портянки, чтобы не натирать ноги; еще раз смазывать сапоги—такова наша программа на ближайшую зиму и на ближайшую весну.

Кто эту деловую программу назовет в праздничный день военной доктриной, с того не взыщется.
